

Случившееся с Су Чэ, главой секты Цинъян, чья попытка преодолеть Небесную кару провалилась, мгновенно всколыхнуло весь мир совершенствующихся.

Никто и подумать не мог, что такой редкий гений пути Дао, каких не рождалось тысячи лет, вот так бесславно погибнет.

В одночасье поползли слухи: одни скорбели, другие злорадствовали. Скорбящими были в основном союзники Цинъян, такие как секта Чжанлун — мастера меча, чьим кредо было искоренение несправедливости, или обитель Жое, последователи буддийского пути, видевшие свое предназначение в спасении заблудших душ. Злорадствовали же те, кто испокон веков враждовал с Цинъян: секта Хэхуань, практикующая парное совершенствование Инь и Ян, и Долина Без Прощения, прибежище культиваторов демонического пути, движимых лишь навязчивыми желаниями и жаждой власти.

На самом деле, еще когда в секте Цинъян решили бросить все силы на помощь Су Чэ в прохождении Небесной кары для вознесения, они предвидели возможный печальный исход. На всякий случай по приглашению Цинъян главы сект мечников и буддистов прибыли, чтобы подстраховать их.

Однако присутствие в качестве страхующих — это не то же самое, что защита при прорыве. Защитники должны находиться как можно ближе к тому, кто проходит испытание, не выходя за пределы зоны действия собственной силы. Поэтому они неизбежно попадают под удар Грома Девяти Небес, и если Су Чэ потерпит неудачу, защитников ждет та же плачевная участь.

Но была и обратная сторона: если бы Су Чэ преуспел и вознесся, сработала бы старая поговорка: один человек обрел Дао — и все его окружение вознеслось вместе с ним. Даже если защитники находились лишь на стадии Зарождающейся Души, они могли получить благословение, подобное божественному песнопению, что позволило бы им мгновенно преодолеть оковы своего уровня и перейти на ступень Превращения в Божество.

Риски и возможности шли рука об руку. Двое из четырех старейшин секты, чей талант был куда скромнее, чем у Су Чэ, уже были на пороге смерти, а шансы на прорыв Зарождающейся Души своими силами стремились к нулю. Для них это был шанс, за который стоило бороться: если удастся помочь Су Чэ вознестись, они сами достигнут уровня Превращения в Божество. Даже если в будущем им не суждено вознестись, они получили бы дополнительную тысячу лет жизни и высшее мастерство, стоя на вершине мира совершенствующихся. Это было слишком заманчиво.

Именно по этой причине Су Чэ, человек холодный и отстраненный, посвятивший себя лишь самосовершенствованию и почти не вмешивавшийся в мирские дела, пользовался безграничной поддержкой четырех старейшин.

Секта Цинъян была единым организмом: их процветание и упадок были неразрывно связаны. Су Чэ был легендарным талантом, и его присутствие на посту главы было лучшим примером

для всей секты. В мире, где правят сила и власть, а ресурсы для совершенствования становятся все дефицитнее, Цинъян нуждалась в таком недостижимом авторитете, чтобы сохранять сплоченность. Будучи единственным приемным сыном и учеником предыдущего главы, вознесшегося на небеса, Су Чэ был идеальным кандидатом на эту роль.

Под началом Су Чэ находились четыре старейшины, составлявшие ядро секты. Все повседневные дела, выбор новых учеников, назначения и повышения — всем этим занимались они. Су Чэ же всегда оставался в глубине секты и появлялся лишь по самым важным поводам. Поэтому не только ученики других сект, но даже внутренние ученики Цинъян редко имели возможность увидеть его.

Су Чэ мог не беспокоиться о судьбе Цинъян в случае своей неудачи, но старейшины были полны тревоги. Именно поэтому они отправили послания главам сект Чжанлун и Жое, пригласив их к Пикам Силян и умоляя обеспечить мир и покой в пределах владений Цинъян, если случится беда.

И худшее случилось.

На глазах у всех Гром Девяти Небес, который должен был обрушиться девятью последовательными ударами, вопреки всему слился в единый карающий поток. Все оцепенели, наблюдая, как старейшины, стоявшие вокруг, в одно мгновение превратились в дым и бесследно исчезли.

Когда ослепительный свет Грома Девяти Небес угас, Су Чэ, находившийся в центре зоны поражения, разумеется, тоже исчез.

На этом беды секты Цинъян не закончились. Из-за мощного давления, возникшего при слиянии девяти ударов грома, ученики Цинъян, охранявшие Пики Силян, пострадали в разной степени, причем чем выше был уровень их развития, тем тяжелее были последствия.

В результате этого очищения мощь секты Цинъян сократилась почти на восемьдесят-девяносто процентов. Однако бессмертная энергия, обрушившаяся вместе с громом, постепенно осела на Пиках Силян и не рассеялась.

Это означало, что Цинъян теперь обладала уникальными ресурсами для совершенствования, но лишилась сил, чтобы их защитить.

Нетрудно было догадаться, что этот лакомый кусок в глазах других культиваторов вскоре спровоцирует новую волну кровопролития и хаоса.

Именно поэтому старейшины Цинъян так настаивали на присутствии глав Чжанлун и Жое. Под их защитой остатки сил Цинъян не были бы полностью уничтожены алчными хищниками.

Разделение священных земель с союзниками было вынужденной мерой. Статус учеников Цинъян стремительно падал, им приходилось склонять головы перед гостями, но, как говорится, были бы живы — а возможности еще будут. Сохранение жизни — вот что было важнее всего.

Внутри секты царила паника. Главы двух других сект, хоть и находились вдали от эпицентра, тоже пострадали от отголосков грома и, наведя порядок, поспешили уйти в уединение для восстановления. Высокоуровневые мастера, приведенные ими, после случившегося честно выполняли обязательства, окружив Цинъян плотным кольцом, что на время отпугнуло наиболее нетерпеливых. Однако слухи — достоверные и не очень — расползались повсюду, становясь главной темой для обсуждения.

Месяц спустя.

У подножия гор Призрачной Долины, в ста милях от Долины Без Прощения, на ветру развевался потрепанный льняной флаг, на котором небрежно было выведено слово Чай.

Маленькая захудалая чайная стояла не на оживленном тракте, а близость к Долине Без Прощения делала ее местом, которое обычные люди обходили стороной. Сюда заглядывали лишь торговцы, везущие припасы в Долину, да культиваторы демонического пути.

Несмотря на убогость, чайная стала временным привалом для проезжающих. В ней не было ничего ценного: даже столы и стулья были перебиты, починены на скорую руку, так что в случае потасовки терять было нечего. Зато чай был вполне сносным, поэтому посетителей хватало.

Там, где собираются люди, всегда рождаются слухи. Посетители чайной, если и не были мастерами совершенствования, то определенно имели к этому отношение, и разговоры крутились вокруг секты Цинъян.

Бородатый здоровяк, покручивая в руках шербатую чашку, громогласно вещал, не пытаясь понизить голос:

— Смешно, что после гибели Су Чэ они позвали людей из Чжанлун и Жое для защиты. По сути, боятся, что Долина Без Прощения придет и вырежет всех под корень. Но теперь, когда представился такой случай, Долина Без Прощения ведет себя как трусливая черепаха, притихла в горах Призрачной Долины и не подает признаков жизни. Что за чертовщина происходит?!

Будучи вольным культиватором, он надеялся пожить чем-то в хаосе, но нынешнее затишье казалось ему подозрительным, и он терял терпение.

Сидевший напротив сухощавый мужчина с желтоватым лицом и острыми скулами, выглядевший так, будто его может сдуть ветром, прижал кулак к губам и разразился

мучительным кашлем. Затем он усмехнулся:

— Ты, дурень, кроме еды, хоть о чем-то можешь думать?

Здоровяк не обиделся на насмешку, лишь хлопнул чашкой по столу:

— Ну, допустим, дурень. А ты, болезный, просвети меня, в чем тут дело?

Сухощавый мужчина понизил голос:

— Не думай, что Долина Без Прощения не хочет проглотить этот лакомый кусок. Но силы Чжанлун и Жое нельзя недооценивать, связываться с ними без полной уверенности опасно. К тому же из Долины дошли слухи, что глава Ань Циюань одержим демоном. Хотя звучит странно, но почему это случилось именно в день гибели Су Чэ?

Глаза здоровяка блеснули:

— Неужели Ань Циюань в тот день подстерегал их у Пиков Силян, пытаясь помешать Су Чэ, но попал под удар Грома Девяти Небес и теперь вынужден прятаться, зализывая раны?

Сухощавый мужчина растянул губы в усмешке, не подтверждая, но и не опровергая догадку.

— Удивительно, но ты, дурень, иногда умеешь пользоваться головой.

Здоровяк хлопнул себя по лбу:

— Я так и знал! Такое поведение совсем не похоже на стиль Долины Без Прощения. Если это правда, то, как только Ань Циюань восстановит силы, мир совершенствующихся захлестнет кровавая буря.

— И что с того? — равнодушно отозвался сухощавый, снова закашлявшись. — Где раздоры, там и возможности. Если боишься смерти, не стоило идти путем совершенствования. Жил бы как обычный человек, дождался бы старости и естественной кончины, вот и все.

— Ха-ха, верно мыслишь, брат! — они рассмеялись, чокнулись чашками, словно бокалами с вином, и по чайной разнесся звонкий звук.

<http://bllate.org/book/20774/2084320>